

Виктория КОМАРОВА

В 2010 году Китай по совокупному ВВП перегнал своего давнего соперника — Японию, оставив позади по уровню экономической мощи всех, кроме США. КНР активно ведет себя в киберпространстве, осваивает космос, одновременно увеличивая роль военных во внешней политике. Специалисты, наблюдая за этим, гадают, будет ли сегодня китайское руководство менять стратегию развития. Хочет ли Китай быть сверхдержавой и как дружить России с восточным соседом — об этом мы беседуем с политологом, профессором МГИМО Сергеем Лузяниным.

От Китая не отгородиться

БОРЬБА ТЕРМИНОВ С АМБИЦИЯМИ

Китай традиционно называет себя развивающейся страной, даже теперь, когда по объему ВВП, который достиг 5,6 триллионов долларов, позади оставлена Япония (5,4 триллиона долларов). Все понимают, что термин «развивающаяся» формален. За ним кроются разные оценки и подходы. В действительности это уже не развивающееся государство. Оно находится в некоем транзите.

— Но жители Поднебесной сами до конца не понимают, что вкладывать в понятие «китайская сверхдержава», — говорит профессор Лузянин.

Сейчас в Китае завершается 11 пятилетка. Новый пятилетний план устанавливает ориентацию экономического развития Китая с 2011 по 2015 год. На этот период придется смена очередного поколения власти КНР.

шевого дохода до 12 тысяч долларов с нынешних 4,5 тысячи). Не менее важный параметр — военно-стратегический. Он открыто не прописан, но у нас есть информация, что Китай в 2020–2025 годах намерен выйти по стратегическим вооружениям на сопоставимый с Россией и США уровень.

Сергей Лузянин отдельно отметил планы по конвертации юаня. Национальная валюта Китая к 2020 году должна быть превращена в региональную резервную, а в середине века — в одну из ведущих мировых конвертируемых валют.

Китайское правительство уже использует юань для торговли за пределами страны. Объем внешней торговли Китая в 2009 году, совершенный в юанях, составил 48,7 миллиарда юаней, или 7,2 миллиарда долларов. В прошлом году он увеличился в 2,5 раза.

Осенью 2012 года в Пекине пройдет XVIII съезд КПК, на котором генсек Ху Цзиньтао, отработавший два срока, должен будет оставить верховный партийный пост и передать его нынешнему вице-председателю КНР Си Цзиньпину, период руководства которого придется на 2012–2022 годы. Как полагают в Китае, именно это время будет для страны определяющим.

— В Китае в качестве задачи номер один заявляют о намерении к середине 21 века перегнать США по уровню ВВП (ВВП США составляет 13,5 триллиона долларов). По объявленным планам, социальные цели стоят такие: в ближайшие десять лет создать общество достаточной зажиточности и в следующие 20 лет стать обществом высокого уровня достатка и процветания (имеется в виду увеличение поду-

— Обменные операции с рублем и юанем уже ведутся, но не все высшие российские чиновники выступают за кооперацию рубля с юанем. Министр финансов Алексей Кудрин не скрывает, что скептически относится к конвертируемости китайской национальной валюты, — отмечает Лузянин.

ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Теме китайской модернизации уже более тридцати лет. Реформы в стране продолжаются с 1978 года. А в 1997 году был сформулирован термин «социализм с рыночной экономикой». Чуть раньше сложился феномен китайского «экономического чуда». Китайское «экономическое чудо» бралось и берется пока в кавычки. Потому что есть другие азиатские аналоги экономических прорывов. До Китая «чудеса» дела-

ли Япония, Сингапур, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины. Но все это были версии государственного-либерального экономического развития.

— Китайская модель опирается в синтез социализма и капитализма. Причем одни считают, что от социализма в стране останется просто вывеска, другие утверждают, что Китай никогда не откажется от социализма. Поэтому китайский вариант по масштабу и характеру преобразований и по самой терминологии — это иное качество «экономического чуда». Китай использовал свои преимущества, в их числе централизованную жесткую структуру — КПК, демографические ресурсы, экстенсивные средства реализации, метод копирования или частичного копирования лучших мировых технологий и брендов, колоссальные возможности субъективного настроя Дэн Сяопина, который сформулировал политически задачу модернизации, — объясняет Сергей Лузянин. — И фактически это привело Китай на второе место по ВВП, к формированию самого большого золотовалютного запаса и одному из самых больших объемов внешней торговли. Но внутреннее наполнение этого экономического чуда, касающееся качества жизни, на два-три порядка хуже, чем в других индустриальных азиатских странах, при том, что внешние атрибуты — инфраструктура — конечно, впечатляют.

К внутренним вызовам, тормозящим китайскую модернизацию, Лузянин относит растущую ресурсную зависимость от внешних энергетических углеводородных источников. Собственной нефти Китай добывает около 200 миллионов тонн при потребности 410–420 миллионов тонн. Он также назвал в этом списке экологическую составляющую: главная беда там — эрозия почв, опустынивание. И чтобы консервировать эту проблему, тратятся колоссальные деньги. Еще один вызов — сельскохозяйственная проблема.

— Сегодня происходит не просто обезземливание. Около 200–220 миллионов крестьян курсируют в поисках занятости, они потеряли свою землю по вине крупных компаний, — констатирует Сергей Лузянин. — Фактически за счет исчерпанности аграрной реформы происходит усиление урбанизации. Два-три года назад соотношение городского и крестьянского населения было 45 и 55%, теперь городское население составляет 52–53%. Это страшный для Китая процесс. Скоро КНР может начать закупки зерна за рубежом.

К вызовам внутреннего характера можно отнести социальное расслоение на бедных и богатых. В списках Форбс китайцы забили уже

целые страницы. Избыточное население тоже не может быть только преимуществом.

— Демографическая политика (одна семья — один ребенок), которая проводится вот уже 30 лет, создала колоссальный дисбаланс между молодым поколением и пенсионерами. Надо учитывать, что стопроцентной пенсионной системы в Китае нет, есть только 20–25% городских пенсионеров, которые охвачены государственной пенсией, а также локальные пенсионные системы в провинциях (это все касается городских структур). Получается, что в Китае возникла уникальная схема: я ее называю «два плюс четыре». Два молодых человека обязаны содержать четырех пожилых родителей — по паре с каждой стороны. А иногда это складывается в схему «2+4+8». Это колоссальная проблема. Она, конечно, сдерживается тем, что традиционные конфуцианские ценности ориентированы на почитание родителей. Неудивительно, что когда в прошлом году разрешили открыть прямую интернет-линию с китайским правительством, в день приходило от 15 до 30 тысяч писем, 70% их были от молодых семейных пар, которые просили помощи в поддержке пожилого населения.

В качестве серьезного ограничителя эксперты называют водную проблему Китая. В свое время в КНР даже была рекламирована идея поворота части рек. Сегодня китайцы говорят о возможности импорта чистой воды. И в качестве источника чаще всего называют монгольский Хубсугул. В ближайшие два-три года эта идея будет обсуждаться бизнесменами, считает Сергей Лузянин. По его мнению, как бизнес-проект может быть реализован импорт байкальской воды.

ПОЩЕЧИНА ОТ НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА

Новость о награждении Нобелевской премией диссидента Лю Сяобо, отбывающего 12-летний срок в китайской тюрьме, взорвала Пекин. До присуждения премии в Интернете от якобы независимых пользователей стали появляться сообщения о том, что неплохо бы рассмотреть кандидатуру главы КПК Ху Цзиньтао на получение премии мира. А поскольку китайский Интернет — это 420 миллионов пользователей, можно представить, каким тиражом эта идея разошлась. Она блуждала в Сети до тех пор, пока Нобелевский комитет не объявил о своем решении. И решение это в Китае расценили как пощечину.

Для Сергея Лузянина подобные общественные реакции представляют профессиональный интерес. Он часто и подолгу бывает в Под-

небесной и констатирует, что выход в 2009 году бестселлера «Китай недоволен» породил целую волну публикаций националистического характера, что заставило политологов говорить о новом месте Китая в геополитике.

Изданная полуторамиллионным тиражом работа «Китай негодует» — это частное мнение четырех авторов. И все официальные власти открещиваются от причастности к выходу книги. Но надо быть наивным, чтобы думать, что в Китае появление подобной публикации произошло без санкции «вышестоящих товарищей».

Так чем недоволен Китай? Авторы бестселлера приходят к выводу, что Китай лучше всех в мире может распоряжаться и управлять природными богатствами, которых у них не хватает. Значит, в будущем следует взять под контроль ресурсы, чтобы управлять ими

за продажу тела, разве вам не нужна защита от мафии? По сути, многие европейские страны занимаются этим».

— Я несколько раз прочитал книгу на китайском. Искал про Россию, — рассказывает Сергей Лузянин. — К слову, там про Россию ничего плохого не было. Даже наоборот. Были одобрительные оценки. Книга появилась после российско-грузинской войны. И в ней пишется: Путин правильно сделал, что наказал НАТО через Грузию. И что китайским руководителям стоило бы поучиться у Путина и Медведева. А когда Медведев посетил Курильские острова, весь китайский Интернет взорвался хвалебными откликами о том, что российский президент не побоялся поехать на спорные с Японией острова. Антироссийских выпадов «Китай недоволен» не содержит, но авторы очень жестко говорят о других странах.

в интересах всего человечества. В книге четко прописано, что Китаю все больше не хватает жизненного пространства. Не только демографически, но и экономически, геополитически надо его расширять. И делать это политическими средствами. Чтобы понять тональность бестселлера, можно привести одну лишь цитату: «Наш нынешний огромный профицит торгового баланса показывает, что эффективность нашего управления выше, чем в других странах... Судя по практическим достижениям в истории цивилизации, китайцы гораздо успешнее евреев. Поэтому мы должны торговать с мечом в руках. Мы должны вести торговую, а не настоящую войну. Но чтобы хорошо вести торговую войну, у нас в руках обязательно должен быть меч. Подумайте, если вы проститутка, получаете деньги

ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ КИТАЯ

Совсем недавно старший полковник (звание в Китае соответствует генералу, генерал-лейтенанту) профессор Лю Минфу скромным тиражом издал книгу «Китайская мечта», известную больше специалистам, чем обывателям. В ней говорится, что в 21 веке стратегия Китая — стать государством номер один. Иначе США отбросят КНР на обочину, и автор не исключает даже военного конфликта. Любопытна аргументация профессора, он говорит, что дело не в идеологии, а в чистой геополитике. Даже если Китай станет более капиталистическим, чем США, а так, скорее всего, и будет, пишет он, конфликт неизбежен. Это спор за статус главного в мире. Если Китай не превзойдет по военной мощи США и Россию, тогда он неизбежно скатится на уровень третьестепен-

ной военной державы. И, как отмечает Сергей Лузянин, эта статья отражает националистический дискурс современных китайских политологов.

В прошлом году госсекретарь США Хилари Клинтон на высшем уровне с подачи экспертов предложила идею большого двуполюсного мира. Поскольку Китай идет вперед, логично создать биполярную систему мира «Китай — США», посчитали в Вашингтоне. Пекин эту теорию быстро отверг. Китайцы сообразили, что G2 — попытка американцев разделить ответственность за происходящее, к примеру, в Афганистане.

Но двусторонний китайско-американский формат остается ведущим в международных отношениях КНР. Основа этих отношений торгово-экономическая. Они сопровождаются скупкой американских казначейских ценных бумаг. К настоящему времени КНР их аккумулировала на сумму 1,5 триллиона долларов. В каком-то смысле Китай является гарантом финансово-экономической стабильности США. Динамика торговых отношений между двумя странами огромная: в 2003 году китайско-американский товарооборот составлял 190 миллиардов долларов, в 2010 — 303,7 миллиарда при увеличении профицита китайского положительного баланса (на долю китайского экспорта приходится около 70%). Несмотря на противоречия Китая и Японии, торговля между двумя странами за последние годы выросла со 170 миллиардов долларов до 210 миллиардов. Оборот с Европейским Союзом увеличился со 120 миллиардов долларов до более чем 400 миллиардов. Китай развернул мощную стратегию проникновения в минеральный сектор Африки. В 2008 году объем торговли Китая со странами Африканского континента был на уровне 107 миллиардов долларов, а к настоящему времени вырос на 65%. Нигерия, Алжир, Габон обеспечивают Китаю треть нефтяного импорта. Африка — объект получения сырьевых запасов, размещения инвестиций, рынок сбыта и политического влияния. Китай не влезает в характер режима африканского государства, Поднебесную интересуют прагматичные вещи: условия концессий и поставок.

С РАСТУЩИМ ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ БАЛАНСОМ

Где в списке партнеров Китая находится Россия? Оборот российско-китайской торговли в 2010 году — 52-54 миллиарда долларов. Из них 4,5 миллиарда — полулегальная торговля. Россия торгует с растущим отрицательным балансом. Доля российского машинно-техни-

ческого экспорта снизилась менее чем до 1%. Зато Китай уверенно выходит на российский рынок энергооборудования. При этом реальных китайских инвестиций в российскую экономику, если не считать кредитов в рамках проекта ВСТО — 18 миллиардов долларов, — практически нет (прямые инвестиции в конкретные проекты составляют 180–200 миллионов долларов). По мнению Лузянина, китайцев пугают не столько институциональные проблемы, сколько то обстоятельство, что российские олигархи сами не очень-то инвестиционно активны на своей Родине. Тем не менее, Китай готов инвестировать в 11 крупных проектов в 2011–2013 годах. КНР строит отношения с Транснефтью, Совкомфлотом, Роснефтью, Сбербанком, ВТБ, Росагролизингом, Россельхозбанком, РусГидро, Росспиртпромом, Объединенной зерновой компанией. Объемы инвестиций не оглашаются. Но это миллиарды долларов. РУСАЛ и Связьинвест уже начали размещение своих акций на гонконгских биржах.

Но сырьевая направленность инвестиций сохранится надолго. Сергей Лузянин видит перспективы диверсификации в незадействованной пока сфере гражданской авиации и возлагает надежды на совместные машиностроительные и инфраструктурные проекты.

— В сфере ТЭК, если пойдет совместное освоение ресурсов, переработка должна быть организована на российской территории. Подобные идеи встречаются китайцами не очень оптимистично, — говорит он. — Но это предмет переговоров.

Кроме того, существует программа развития Сибири и Дальнего Востока до 2020 года. Часть ее заточена на региональное соразвитие, часть — на успешное проведение форума АТЭС.

— Я запросил приложение к этой программе и удивился, увидев в ней 156 российско-китайских проектов, — признался Сергей Лузянин. — Из них 63 в сфере освоения ресурсов, 53 в медицине и биоинженерии, 28 — в сельском хозяйстве, 12 — по созданию новых материалов. В том числе Чанчунский технопарк по лазерным технологиям и еще один технопарк в городе Харбине, также связанный с высокими технологиями. Хорошо, если проекты будут реализованы. Но кажется, что это все пока на бумаге.

Однако, как говорит Лузянин, есть «ощущение, что от Китая не отгородиться. Нужно смотреть вперед и этот воз сдвигать с места».